НИКОЛАЙ ГОЛУБЕВ

письма отцу

Предисловие к публикации

Николай Голубев родился 6 декабря 1891 года. Его отец Андрей Кинтильянович служил в Государственном банке и в конце своей карьеры был товарищем управляющего Государственным банком, имел чин тайного советника и получил дворянство. Это был чрезвычайно целеустремлённый, упорный и трудолюбивый человек, добившийся всего исключительно благодаря своим способностям и волевым качествам. Кроме того, он был прекрасным семьянином и поддерживал своих детей всю свою жизнь. Мать Николая — Антонина Глебовна (в девичестве Лебедева) происходила из священнической семьи. Она окончила гимназию и Высшие женские курсы. Выйдя замуж, целиком посвятила себя мужу и детям. Она помогала Андрею Кинтильяновичу, переписывала его статьи и правила рукописи.

В семье был обычай вести переписку с отцом, так как Андрей Кинтильянович постоянно был в разъездах по России с ревизиями банков. Антонина Глебовна писала мужу через день–два и приучила детей писать отцу, как только они овладевали грамотой. Андрей Кинтильянович сохранял все письма жены и детей, обязательно помечал, когда он их получил. Став взрослыми, дети продолжали эту переписку. Благодаря этим письмам мы знаем их судьбы и события их жизни.

По окончании гимназии в 1911 году Николай поступил в Николаевское Кавалерийское училище, которое окончил в 1913 году и был направлен для несения службы в 20-й Финляндский полк в г. Вильманстранд. А в июле 1914 года началась Первая мировая война, и Николай в возрасте 23-х лет отправляется на фронт. О том, какой была для него эта война, лучше всего прочитать в его письмах. Последнее письмо с фронта датировано октябрём 1916 года. Дальше наступает неизвестность, и есть только отрывочные сведения о судьбе Николая в 1917–1920 годах. Его отец пишет дочери Евгении 15 июня 1917 года: «Коля сидит в окопах под Ригой и находится в ужасной обстановке», а из письма от 3 июня 1918 года известно, что Николай живёт у брата Петра в Обозерском лесничестве (Архангельская губерния). С 1919 года сведений о Николае у семьи нет.

Затем появляется новая серия писем 1955–1957 годов, из которых делается ясным, что испытания для Николая не закончились. После гражданской войны он оказался в Польше, где женился на Ирене Барк (или Берк), и жил мирной жизнью до Второй мировой войны. В 1945 году, когда в Польшу

пришли советские власти, Николая арестовали, привезли в Россию и посадили в лагерь на 10 лет. Просидел Николай в лагере почти 11 лет и всё это время Ирена ждала его и надеялась. Вернулся он к ней в феврале 1956 года. А 11 октября 1957 года Николай скоропостижно скончался. Похоронен Николай Голубев в Польше в городе Быдгощ.

Евгения Лыкова

21 июля 1914 года

Дорогой Питчи!

Вот и война началась, которая всё время напряжённо ожидалась. Удивительное настроение у нас всех; самое весёлое и спокойное, спокойное от сознания своей силы и надежды на хороший исход кампании. Порядок среди прибывающих запасных царит образцовый, ни одного угрюмого лица, ни одного нетрезвого... Все рады посчитаться с севшим всем на шею германцем. Нет ни одного отставшего или уклоняющегося от призыва. Дай Бог и дальше так. У нас работы много: то в штаб корпуса, то на вокзал, то у себя в эскадроне готовимся к походу. Я вчера и сегодня разобрал около 1500 шт. карт. Живём все в казарме среди вещей, шашек, револьверов и т. п. Денег нам выдали много, так что тебя беспокоить не буду. Ожидается морской бой между англичанами и немцами. У нас военное положение, арестовано много шпионов и два немецких парохода потоплены. Ханге уничтожен нами, т. к. была удобная гавань. Скоро выступаем.

Пока крепко целую. Николай.

2-го августа 1914 года

Дорогой Питчи!

У нас всё пока благополучно и нас никуда не двигают. Многое мог бы написать интересное по службе, но не могу по случаю военного времени. Одно только обидно, что приходится сидеть сложа руки, когда на западе льётся наша кровь. Всё-таки надеюсь, что и нас двинут в бой. Про себя могу написать кое-что новое, а именно то, что после кампании наверно женюсь на сестре моего товарища по полку, на очень милой и скромной барышне, которая и меня сильно полюбила. У меня вообще на это свой взгляд. Я считаю, что жениться надо тогда, когда ещё молод, силён и здоров, а не похож на выжатый лимон, как большинство нашей молодёжи, нуждающейся не в жене, а в няньке. Вообще по этому поводу с тобой ещё много и много поговорим и передумаем вместе. Думаю, что ты не особенно

будешь на меня за это сердиться, т. к. всё-таки у меня «mens sana in corpore sano» и что мне вошло в голову, то оттуда не выйдет. Но пока об этом довольно. Очень интересуюсь Петиным призывом под знамёна. Думаю, что ему жаль сидеть в тылу, а не пробивать немецкие каски, которые прямо всем нам мерещатся. Наступает уже осень и деревья начинают желтеть. Стало заметно прохладнее. Ну, пока прости, крепко, крепко обнимаю и целую.

Сын Николай. Пиши! Всем поклон. Г. Гельсингфорс.

Мой адрес теперь: Полевая контора, 6-ой полевой жандармский эскадрон. Корнету Голубеву, города писать нельзя, иначе письмо не дойдёт.

3-го сентября 1914 года

Дорогой Питчи!

Из Белостока 1-го числа выступили по ж. д. и 2-го прибыли в Ивангород, откуда должны были идти через два дня в Сандомир, но ночью получена в штабе телеграмма, что наши войска разбили австрийцев у Сандомира и нам приказано выступить на другой же день. С этими выгрузками и погрузками у всех страшная усталость. Встречается масса австрийцев, взятых в плен и раненых. Нашей армии предстоит пройти по Австрии и затем левым плечом зайти в тыл германским корпусам, занявшим Мазурские озёра. Если нам это удастся, то Германии крышка. Пока писать нечего.

Крепко целую, Николай. Поклон всем.

Сентябрь 1914 года

Дорогой Питчи!

Не писал долго потому, что не имел никакой возможности. 4-го утром вышли походным порядком из Островца и шли до самого Сандомира (45 в.). Мы вступили в Сандомир после боя, бывшего накануне. Австрийцы сильно укрепили город, но наша артиллерия нанесла страшные разрушения в городе, а геройская ночная атака Тульского пехотного полка, который шёл скрыто в лощине и атаковал в штыки без выстрела австрийскую бригаду, от которой ничего не осталось, заставили австрийцев перейти на другую сторону Вислы, оставив нам огромный обоз с очень ценными запасами, и сжёг мост. Всю ночь на другой стороне реки шёл бой под дождём. Страшная была стрельба из пулемётов и винтовок. На другой день мы двинулись дальше через Вислу. В $8^1/_2$ утра мы перешли границу. Страшное опустошение представляла собой местность. Всё потоптано и уничтожено. Каждую деревню приходилось брать накануне с боем. Всюду валяются трупы лошадей

Андрей Кинтильянович Голубев

и людей и масса кинутого австрийцами оружия и патронов. Мы около одной деревни нашли около 100 винтовок и несколько тысяч патронов. Наша артиллерия наносила страшные потери австрийцам. Некоторые деревни сгорели. Ни одной стены нет не повреждённой. Трупы хоронят крестьяне. Сегодня утром нас разделили по корпусам армии со взводами. Пишу письмо перед выступлением.

Пока прощай дорогой *Питчи*. Трудно доставать сахар, соль и хлеб. Адрес: Действующая армия, 6-ой пол. жанд. эск., кор. Голубеву.

Привет всем.

Австрийцы стреляют разрывными пулями. Пете привезу винтовок.

8 сентября 1914 года

Дорогой Питчи!

Это письмо пишу из XVIII корпуса, куда прибыл сегодня утром. Всё это время шёл ужасный дождь и дороги обратились в сплошное море с ямами, в особенности после того, как прошла тяжёлая артиллерия и парки. Мне приходится кормить лошадей или из своего кармана или захватывать даром, т. к. денег из эскадрона не получил. Сам питаюсь собственными средствами. Стреляю из револьвера кур и варю суп и шоколад. Но спать приходится в избах. Пока пишу письмо, издали доносятся орудийные выстрелы. Австрийцы бегут, оставляя много пленных. Сегодня допрашивал двух жителей.

Пока крепко целую, Николай.

16-го сентября 1914 года

Дорогой Питчи!

Вот уже второй месяц я не имею от тебя известий. Очевидно, твои письма до меня не доходят. Пиши мне теперь так: 9-ая действующая армия.

20-ая полевая почтовая контора, 6-ой полевой жандармский эскадрон, XVIII корпус. Начинаются холода с сильными ветрами и холодными дождями. На дорогах грязь невылазная. Обозы еле-еле двигаются. 14-го числа у меня под конвоем содержались австрийские пленные: офицер и 3 драгуна 1-го чешского полка. Офицера я взял к себе в избу, накормил и распил с ним бутылку мадеры, взятую из разбитого погреба графа Тарновского. Офицер оказался графом. Фамилии я не помню. После мадеры я стал говорить по-немецки. Форма у него опереточная: синий мундир, красные штаны и каска, как наша пожарная. 15-го ночевал в сарае вместе с лошадями. Холодно было очень, всё время лил дождь и бушевал ветер. Теперь все наши части отходят немного назад, чтобы подготовить окончательный удар австрийцам.

Пока крепко целую, Николай. Поклон всем.

21-го сентября 1914 года

Дорогой Питчи!

Наступает зима и мне понадобятся тёплые вещи. Полушубок, сапоги, перчатки, носки тёплые. Всё это, кроме перчаток, у меня есть в Петрограде. Очень прошу прислать мне всё это + шоколада, какао и ещё чего-либо питательного. Пипифакса тоже. Лучше всё это зашить в мешок, а не в ящик, и из брезента. Может быть, дойдёт до меня, хотя вообще почта ни к чёрту. Твоё здоровье меня обеспокоило. Надо тебе уехать из Питера на юг хотя бы на месяц. Я при первой же возможности перевожусь обратно в полк, который имеет дело у Оссовца с немцами и, вероятно, имеет потери. Всётаки приятнее находиться впереди, чем сзади и не видеть, а только слышать артиллерийскую и пулемётную стрельбу. У меня кроме неприятностей ничего нет. То лошадям нечего есть, то овса не довозят до нас, то квартир не отведут и приходится спать под открытым небом в дождь и холод. Я всё это время стеснялся, а теперь буду подавать рапорта один за другим и или я удержусь на месте или прочая компания. Слава Богу, опять перешли на свою территорию. Но доставать фураж ещё труднее. Дороги ужасные и масса лошадей падает. Теперь мы шли по дороге, по которой шли и бежали обратно австрийцы. На пути бегства они побросали понтоны, тяжёлую артиллерию, патронные ящики и обоз. Наша артиллерия на высоте призвания. Пленные и раненые австрийцы говорят, что русские открывали такой убийственный артиллерийский огонь, когда они выходили из окопов, что у них сносило целые батальоны. Особенно, когда наша артиллерия начала стрелять тротиловою гранатою по окопам, то там после боя не было ни одного целого человека, а куски мяса. Очень интересно отношение немецких офицеров к австрийцам. Один майор артиллерии, взятый в плен около Сандомира, просил, указывая на пленных австрийцев: «не возите меня с этой сволочью». Он же говорил: «Когда моя батарея стала плохо стрелять, то я сперва убил двух своих офицеров, а затем несколько артиллеристов». Это письмо пишу из-под Красника, где вздули австрийцев.

Пока всего хорошего, крепко целую. Сын Николай.

29-го сентября 1914 года. м. Госцерадов Дорогой мой $\Pi umuu!$

Вот уже девятый день сижу на одном месте. Целую неделю уж с утра до вечера и даже по ночам слышатся орудийные выстрелы, то редкие, то сразу ураганные. Немцы обстреливают наши позиции на Висле с другого берега из тяжёлой артиллерии. Ездил сам вчера посмотреть на действие их снарядов. На моих глазах снаряд попал в дом, и в тот же миг из дома повалил жёлтый дым и показалось пламя. Но стреляют они очень плохо и беспорядочно. Например, ими было обстреляно стадо коров — ни один снаряд, даже осколками, не повредил ни одну. Наша артиллерия отвечает редко, но метко, то колокольню костёла, где у немцев был наблюдательный пункт, снесёт начисто, то дом, из которого немцы били из пулемётов, сравняет с землёю. Три дня тому назад с немецкого аэроплана бросили около моего дома две бомбы, не причинившие никому вреда. Бомбы начинены круглыми пулями, одну я взял себе на память. Благодаря стоянию на одном месте я очень хорошо питаюсь. Покупаю гусей, куриц и, даже, одного поросёнка купил. Готовит мне один из моих жандармов, бывший повар в «Вилла Родэ». Погода стоит отчаянная, дождь без конца, холод и грязь, грязь невылазная, в которой тонет артиллерия, тонут обозы и парки и падает масса лошадей. Приходится почти каждый день закапывать 5-6 штук. Несмотря на плохую погоду и всякого рода лишения, дух солдат прекрасный и по вечерам слышатся гармоника и песни. Да, немцы не австрийцы. Это очень храбрые солдаты, и в одном деле, где наши пошли в штыки, немцы не бросились бежать, а пошли сами в контратаку и мы еле-еле их опрокинули. Нашли двух раненых: нашего и немца. Лежали оба, вцепившись друг другу в горло. По вечерам кругом видны пожары от гранат. Всё-таки довольно скучно сидеть без дела своего настоящего. Наш полк, я слыхал, был в деле при Граеве. Не знаю, как велики потери.

Насчёт квартиры в Вильманстранде, я думаю, что ликвидировать её не стоит, т. к. хозяин за неё ничего не возьмёт, а если и возьмёт, то в половинном размере. А перевозить скарб не стоит. Если бы кто-нибудь съездил посмотреть, всё ли там в порядке, я был бы очень благодарен. Тёплые вещи жду, а главное, перчатки кожаные на тёплой подкладке.

Пока крепко, крепко целую и желаю поправиться. Николай. Поклон нашим.

18-го октября 1914 года

Дорогой Питчи!

Не знаю, получил ли ты мою посылку. Мы опять подошли к реке Сану, этой ставшей теперь всему миру известной реке. Снова круглые сутки гремят орудия, особенно ночью ясно слышен даже характерный треск пулемётов. Наконец-то увидел наших знаменитых терцев и дагестанцев. Что за народ прекрасный. Лошади у всех отличные и выносливые. Дагестанцы страшно горячий народ, не признают другого ведения боя, как только рукопашную схватку, ну, да и рубятся же они, это что-то особенное. Находили австрийцев с начисто отбритыми головами или с разрубленными пополам туловищами. Не спасает австрийцев и стальная чешуя на касках. Один раненый урядник Кизляро-Гребенского полка ударом шашки разрубил чешую и снёс полчерепа. Грабят дагестанцы тоже хорошо, только отбитые обозы. Австрийцы их как огня боятся. Да и вид у них хорош. Коричневые черкески, белые башлыки и чёрные папахи. Оружие превосходное и рожи самые секир-башка. Начинается, кажется, зима. Второй день очень холодно и лист последний опал с дубов и тополей.

Если ты ещё не отправил вещей, то пошли их лучше по почте. Вернее и скорее. Можно посылать до 12 ф. посылку с мелочами и сколько угодно тёплого платья, только по одному экземпляру. Купи мне папаху, только не из барана, а из другого меха. В фуражке ездить довольно прохладно. Пожалуйста, перчатки пришли, дорогой Питчи. Посылку с санитарным поездом, понятно, не получил, да и смешно было думать об этом. Во-первых, я понятия не мог иметь, по какой дороге он дойдёт, до какой станции и когда и, кроме того, я был от ж. д. в 70-ти верстах умопомрачительной грунтовой дороги. Сейчас живу третий день в полуразрушенной избе. Холод собачий. Сквозит из всех щелей. Вообще, квартиры отводят неважные.

Пока прости, крепко обнимаю и целую, Николай. Поклон всем нашим. Дер. Ирена.

26-го / Х 1914 года

Дорогой Питчи!

Это письмо пишу опять из Австрии, в которую вышли, преследуя неприятеля. Бедный Сан опять окрасился кровью, седьмой раз форсировали мы и австрийцы эту реку. Очевидно, это был последний раз, и противник с остатками корпусов идёт к своему последнему оплоту — Кракову.

Интересная и ужасная картина представилась нашим глазам при переезде по мосту, устроенному на бочках через Сан, около м. Розвадува. При попытке нашей навести мост, австрийцы открыли такой огонь, что понтоны пошли ко дну. Две наши роты вплавь перебрались на другой берег

и три дня вели бой с австрийцами, разделённые только валом в 20 шагов ширины. Расстреляв все патроны и съев сухари, наши солдатики ночью атаковали противника и отбили их винтовки и патроны и начали бить австрийцев их же оружием. Один солдат стрелял из австр. винтовки, клал около себя свою. Он остался в живых и говорил, что свою винтовку берёг на случай штыкового удара, привычнее со своей, да и удар сильнее. Интересен был результат трёхдневного боя. Весь кустарник и всё, что выходило из уровня земли, было буквально сметено, точно косой, или выстрелами дробью в упор в кучку... Положим, работали 16 пулемётов наших, да ещё пулемётчики перекрёстным огнём. Ни одного квадратного вершка не было без 3–4 пуль. На площади в 300–400 шагов мною закопано было при помощи жителей 120 трупов ужасно обезображенных. В каждом сидит по несколько пуль или осколков. У двух мозги лежали рядом с телом. Картина неважная, хотя у меня нервы закалились, и не производит никакого впечатления.

До сих пор не получил тёплых вещей. Не знаю, каким образом ты их отправил. Писем от тебя не получал уже более 3-х недель. Пожалуйста, пиши чаще, это моё единственное удовольствие. Получил ли ты мою посылку? Чувствую себя сносно, хотя некоторые инциденты сильно раздражают. Всё ещё думаю скоро обратно в полк уехать, [жить] настоящей боевой жизнью, а не прозябать в тылу.

Пока прости, крепко, крепко обнимаю и целую. Николай.

25 декабря 1914 года. 1 час 30 мин. д. Жарково

Дорогой Питчи!

Первый раз в жизни провожу сочельник и день Рождества вне квартиры, сидя в сторожевом охранении на заставе в версте от немцев, которых видно роющими окопы и постреливающими по заставе. Вчера вечером охотники-пехотинцы всю ночь тревожили немцев, подползая под самые их окопы и открывая огонь из винтовок. На меня нападения ночью не произошло, хотя немцы открывали огонь по всем направлениям, и слышно было свист пуль. Я всю ночь готов был дать отпор в пешем и конном строю. Четыре дня тому назад лишились мы дорогого товарища шт. ротм. Лабинского, убитого при ночном нападении на немецкую пехоту с кавалерией. Работали охотники нашей бригады штыками и хорошо положили немцев. Только одного взяли в плен, остальных не брали. Наш полк миловал только Бог, потому что были в таких корявых положениях, что могли бы остаться на месте почти все. В общем, потери с начала войны очень незначительные. Только лошадей много выбыло из строя убитыми и покалеченными.

Получил из Варшавы телеграмму относительно посылки, но смотрю на неё, как лисица на виноград. Получить её никак не могу, иначе как послав

её мне прямо в полк. Да, праздники пришли, а мы их и не видим, да и положение совсем не праздничное: того и гляди немцы перейдут в наступление и придётся их отбивать.

Здоровье моё поправилось и только немного теперь покашливаю. Сегодня думаю, что всё-таки меня сменят и я поем пирога с капустой, заказанного командиром эскадрона.

Пока крепко обнимаю и целую. Сын Николай.

20-го января 1915 года

Дорогой Питчи!

Наконец получил твоё письмо. Ты пишешь, что совсем заработался и очень устал. Слава Богу, что теперь сдал работу и можешь отдохнуть. Пока мы стоим на месте и ничего не знаем когда и куда продвинемся. Всё время поддерживаем соприкосновение с противником, который укре-

пился и сидит за своей проволокой, как паук на паутине. Против нас опять появилась бригада гусар: гвардейских и «бессмертных» — цвет прускавалерии. Последние ской страшные нахалы. Первое время они по несколько человек врывались в наше расположение и на полном ходу стреляли из «парабеллум»-ов, но каждый раз терпели потери. Одного их вахмистра взяли наши драгуны, убив лошадь. Он рассказывал, что всё время с начала войны [они] действовали во Франции и даже ходили в конные атаки. Французов они называют «лавочниками» и отзываются о них неважно. Сами они говорят, что «финляндские» казаки ужасные враги и нанесли им потерь больше в одну неделю, чем французы в три месяца. В нашем же полку от них не было ни одной потери.

Антонина Глебовна Голубева, 1891 г.

Вид у них шикарный. На шапке огромный череп с костями. Наша застава от 6-го эскадрона устроила засаду десятку гвардейских гусар, которые шли в пешем строю цепью в деревню, в которой была устроена засада. В результате восемь осталось на месте, а остальные убрались только ночью, залегли от пуль, которые начинали хлопать около них при первой попытке подняться. На другой день немцы в отместку обстреляли деревню чемоданами, но удачно для нас. Вот такие мелкие стычки происходят довольно часто. Последнее время усиленно стали летать немецкие аэропланы и бросать бомбы, не причиняющие никакого вреда.

Очень рад, что скоро кончится для нашего эскадрона служба летучей почты, уж больно скучно ничего не делать самому.

Пока крепко обнимаю и целую. Николай. д. Ланента.

27-го января 1915 года

Дорогой Питчи!

Мы снова с эскадроном пришли в ту же деревню, где стояли месяц тому назад и где я нашёл эскадрон. С летучей почты нас сняли, наконец. Теперь будем поближе к немцам, и занимать охранение. Мою лошадь привёз корнет λ ипский и я, послав за нею в Укханов, получил на другой день. λ ипский был тоже со мною в жандармском эскадроне и тоже вернулся теперь обратно в полк.

Ну конечно, кобыла пришла в неважный вид, но целая, по крайней мере. Получил также с ним ещё и одну из твоих маленьких посылок с пипифаксом, шоколадом и тёплыми носками. Остальные посылки так и не пришли. Теперь у меня будет потребность в 3-х сменах крепкого белья, носовых платках, новых рейтузах. Нужна будет смазка для сапог и седла и два брезентовых форменных мешка вьюка (для попоны и шинели) и брезент для вьючной лошади (вьюк системы Тв. Эк. Об.). Скоро у нас здесь начнётся весна и, конечно, невылазная грязь.

Пока прости, крепко целую. Николай.

2-го февраля 1915 года

Дорогой Питчи!

Только сейчас нашёл свободную минуту, чтобы написать несколько слов. Всё это время мы провели на лошади, делая набеги за границу. Третьего дня имели жаркое дело с немцами и вели бой с пехотой в продолжении 7 часов — пример редкий в истории конницы. Нас случайно в густом лесу обошла немецкая пехота и, подкравшись к нашей отходящей артиллерии, открыла с расстояния в 50 шагов страшный огонь пачками, но была атакована нашими эскадронами и не смогла захватить орудия. Немецкие пули

376

летали по всем направлениям и гулко щёлкали по деревьям и по нам. Очень трудно в конном строю действовать в лесу, а спешиться и отбросить противника огнём мы не успели. Уцелел с конём Фуксом.

Пока крепко целую, Николай.

Генералу Голубеву Петроград 21-го февраля 1915 года

Дорогой Питчи!

Давно не писал тебе потому, что времени не было абсолютно. С 29-го числа января месяца нас мотают во все стороны, и по целым неделям спать приходится по несколько часов. О довольствии и говорить не приходится, т. к. кухонь мы не видели также по неделям и все питаемся плохо, хотя чувствую себя я прекрасно, только зубы немного побаливают, и я думаю поправить их или в Варшаве или в Петрограде. За всё это время был под артиллерийским и оружейным огнём пять раз. Вчера был послан связаться с пехотой. Явился в штаб пехотного полка, пообедал, а через час немцы начали гранатами засыпать эту деревню, еле удалось уйти, а деревня дотла сгорела. Моя лошадь чудом уцелела. Едва мой вестовой вывел её из сарая, как в этот сарай попала граната и запалила его. Хотя я и привык к огню, но инстинктивно каждый раз свист пули или снаряда вызывает неприятное чувство. Третьего дня с 12 человек драгун выбивали из дома с окопом впереди 22 немца, к которым подошли цепью на 400 шагов и открыли огонь прямо по дому, основательно его продырявили и подбили одного немца. Очень прошу прислать консервов.

Пока крепко целую. Поклон всем. Николай.

28-го марта 1915 года

Дорогой Питчи!

С болью на сердце уехал я из Петрограда в полк. Мысли одна другой мрачнее будоражили мой мозг, не давая ни минуты покоя. Ещё прибавилась к этому сильная головная боль и насморк. В Варшаву я приехал только в 1 час ночи и только в два отыскал номер на чердаке «Савойи». Ночь почти не спал от головной боли и утром отправился на вокзал для следования в Цеханов. Приехал опять ночью в него и очутился в безвыходном положении: один с вещами и некуда идти ночевать, т. к. никакого полка нашей бригады нет и поблизости. Один прапорщик-артиллерист любезно предложил мне проехать к нему в парк, где мне приготовили превосходную кровать и напоили чаем с закусками. Утром отправился в штаб Т-го корпуса узнать, где находится наш отряд. Там мне точно ничего не сказали, а только дали

приблизительное направление. И вот я на свой страх и риск отправился в этом направлении и только сегодня днём прибыл в наш полк, который утром отправился на дежурство в К., куда ходят по очереди на двое суток наши полки. В пехоту вытянули жребий два человека, но они ещё никуда не уехали. Мне пока не грозит эта опасность, не знаю, что будет дальше. Поговаривают, что нашу бригаду скоро оттянут на отдых, т. к. в данное время мы всё ещё несём службу в передовой линии. Посылку твою, посланную с вахмистром, получил и очень тебе благодарен за ту заботливость, которая видна в каждой бумажке. Ещё раз благодарю тебя за всё и крепко, крепко обнимаю и целую дорогого Питчи. Да пошлёт Бог тебе здоровья и всего наилучшего. Мой сердечный привет Кате, Косте, Андрюше, Жене, Пете и Варе, с которой не успел попрощаться лично.

Сын Николай.

10-го апреля 1915 года

Дорогой Питчи!

Всё ещё не получал от тебя писем. Но я теперь этому удивляюсь меньше, т. к. наша бригада меняла своё местоположение и, кроме того, почта сильно задерживается в Варшаве. Опять я нахожусь на летучей почте и в данное время сижу на посту, расположенном в г. Макове, откуда мы пока получаем корреспонденцию.

Сам я только сегодня прибыл сюда, сделав около 35 вёрст по порядочной-таки жаре. На дорогах сильная пыль и от земли подымается пар. Чувствую себя удовлетворительно как физически, так и нравственно, хотя, конечно, скучновато. Насчёт переводов в пехоту пока всё затихло, т. к. новый главнокомандующий Алексеев против этого. Да вообще всё это было очень смешно, т. к. вся конница могла «тахітит» дать 700 офицеров в пехоту, во многих полках в мирное время был некомплект и убыль всё-таки за войну.

На днях должны будем узнать о нашей дальнейшей деятельности. Останемся ли на этом фронте или идём в Карпаты. Сейчас весна приводит всех в весёлое настроение и в окружающих деревнях повсюду слышны песни и гармоники нашей пехоты, как на манёврах. Да, забыл тебе написать о ночном нападении «цеппеллина» на Цеханов, куда я прибыл с эскадроном на постой. Я пришёл в Цеханов вечером 6-го или 5-го, не помню, и, расположив эскадрон, начал укладываться с офицерами нашими спать, предварительно закусив. У меня был сильный насморк и спал я плохо, постоянно сморкаясь. В три часа ночи вдруг раздались один за другим шесть страшной силы взрывов и стёкла посыпались из рам. После третьего взрыва

в наше окно метнулось зловещее зарево. В несколько минут мы оделись, и я приказал людям седлать и через 10 минут эскадрон тёмным силуэтом стоял на фоне пожара. Восемь лошадей из эскадрона убежали, испугавшись взрывов. Убило одного казака, который ещё живым сгорел в сарае. Несколько лошадей обоза сгорело и несколько было ранено. Воронки от снарядов были больших размеров. С цеппелина было брошено множество зажигательных шашек. Одна неразорвавшаяся бомба найдена и весит несколько пудов. Пока благополучен. Крепко целую дорогого Питии.

Николай.

20-го апреля 1915 года

Дорогой папа!

До сих пор не получил ни одного письма ни от кого.

Сам я пишу очень часто и в этом письме сообщаю печальное для себя происшествие — умерла моя кобыла, именно умерла, потому что так, как она мучилась и стонала с широко открытыми глазами, может умирать только человек. Причина смерти очень загадочная. Были приступы колик, но очень для них продолжительные (почти 11 часов). Пробовали все средства, но ничего не помогало. Увы, остался без своего товарища. Знаю, что теперь не достану такой лошади за тысячу рублей. Обидно главное то, что она перенесла и холод и голод и исчезла тогда, когда стало тепло, и имела много корма.

Мы сейчас сидим в окопах по восемь дней и четыре отдыхаем. Наша ландштурм-офиц. кав. школа устроилась при штабе армии и ничего, конечно, не делает.

Сегодня очень холодно и дует какой-то циклон.

Немцы снова получили хороший урок и сидят смирно в своих окопах всю ночь, освещая свой фронт ракетами, очевидно, боятся нашей ночной атаки. Очень красиво наш прожектор ощупывает по ночам небо и высматривает, не летит ли цеппелин. Аэропланы их летают каждый день и понемногу бросают бомбы. В данное время погрузился в денежную отчётность эскадрона. Очень сложная и трудная работа, особенно, когда эскадрон находится на летучей почте и приходится давать деньгами за довольствие людей и лошадей на постах и не перерасходовать деньги.

Да, 6-му эскадрону с лошадьми не везёт. Потеряли в бою под Монтвицем 20, сгорело на пожаре 24, убежали во время налёта цеппелина 8 и пропали обе мои, собственная и казённая.

Пожалуйста, пиши мне почаще, а то просто одно уныние берёт, не получаю ни строки.

Крепко целую, Николай. Всем нашим поклон.

Дорогой мой Питчи!

Всё это время собирался написать тебе письмо, но хотя времени у меня свободного и много, а послать письмо не было никакой физической возможности. В данное время я ещё нахожусь при штабе 4-ой кавалерийской дивизии и отдыхаю в полном смысле слова. Я тебе писал на открытке, что некоторое время чувствовал себя очень неважно. По вечерам появлялась сильная лихорадка, и одно время свистело в лёгком. Теперь чувствую себя хорошо и простуду выгнал почти совершенно. Получаем редко газеты и прочли об оставлении Перемышля, что навело большое уныние на всех. Конца и края войны стало не видно. Просто ума не приложу, откуда немцы берут такое колоссальное количество войск и так умело ими маневрируют. В окончательной победе, конечно, никто не сомневается, но какою дорогою ценою, особенно нам, она достанется. Учились, учились, а толку не видно ни на грош. Просто противно говорить стало об этом.

У меня лично все запасы истощились в конец, и нет даже необходимых предметов в виде мыла и зубного порошка.

Считаю себя в этом отношении единственным человеком в армии, получившим за всю войну $o\partial ny$ посылку. Не понимаю также, пишешь ли ты мне или абсолютно нет. С самого моего последнего отъезда из Петербурга не получил из дома ни одного письма и не знаю вообще, живы ли вы все. Удивительное отношение, право. Мне не надо никаких излияний, но написать, что живы и здоровы, это может каждый человек, даже занятый по горло. Хотя я просил в прошлом письме послать мне что-либо — теперь прошу ничего не посылать. Что нужно, достану сам, а что не найду, обойдусь и так. Писать сам буду один раз в месяц. Пока всего наилучшего. Целую. Николай. \mathcal{A} . арм.

27-го мая 1915 года

Дорогой Питчи!

Вчера, наконец, получил от тебя письмо и очень этому обрадовался. Дошло оно очень быстро, в три дня. Я всё ещё сижу в штабе дивизии и ничего не делаю. Кое-что удалось купить в Риге и в Митаве и в данное время у меня ни в чём не чувствуется недостатка. Очередное письмо опять отправляю с оказией. Обрадовался очень возможности твоего летнего отдыха. Необходимо тебе хоть немного отдохнуть.

Погода у нас стоит здесь довольно тёплая. Немцы постоянно желают прорвать наш фронт, и вот сегодня мне пришлось посылать против прорыва всё, что было под рукой, чтобы разбить немецкую дивизию, грозящую глубоким обходом приданной нашему отряду ополченской роте — ужасная сволочь, бегут при первом артиллерийском выстреле и приходится

их чуть ли не расстреливать сзади из пулемётов. Всё же немцев понемногу щиплем и, даже, [открыли] новый фронт и работать куда интереснее на нём. Пока крепко целую. Николай.

3-го июня 1915 года

Дорогой мой Питчи!

Сегодня получил сразу много писем. От тебя три письма.

Большое тебе искреннее спасибо за общее положение всех наших. Прости меня за беспокойство, которое я причинил тебе, просив ликвидировать квартиру. Устал ты, вероятно, страшно, съездив в Вильманстранд. Получил я много писем и от Лиды, которая была в Галиции у брата. Не всякий раз удаётся побывать на этой стороне, которая теперь обильно поливается кровью. Наш новый фронт тоже начинает понемногу принимать боевой вид. Горят деревни и разграбленные немцами мызы, появляются окопы, проволока и могилы. За последние дни немцы несколько раз пытались перейти р. В-ву, но отбрасывались с большими для них потерями. Наша кавалерия за последние дни совершила несколько удачных и красивых атак на баварскую пехоту и один Приморский драг. полк полностью изрубил роту и захватил повозки и зарядные ящики. Наш эскадрон № 6 выбил штыками немецкую пехотную заставу из деревни и забрал лошадей и велосипеды. Последних забрали у немцев около 50 штук и автомобиль с майором. Но мы потеряли одного нашего офицера, которого тяжело ранили и взяли в плен. Очень хороший был офицер. Один раз немцы пробовали перейти реку колонной. Наши ополченцы подпустили их на 500 шагов и буквально скосили одну колонну, а другую, сильнейшую, атаковали прямо в штыки и отбросили обратно за реку. Вообще немцев перестали считать за очень стойкого врага, хотя мы здесь имеем дело с перволинейными их полками.

Пожалуйста, передай поклон всем нашим.

Самого $\Pi umuu$ крепко, крепко целую и желаю всего наилучшего.

Николай.

18-го июня 1915 года

Дорогой мой Питчи!

Не знаю, получил ли ты моё письмо с просьбой выслать мне Владимира, а потому посылаю мою просьбу вторично.

Очень рад, что ты сможешь хоть немного отдохнуть и набраться сил, столь необходимых теперь тебе. Всё же советую тебе сейчас же, по получении отпуска ехать на чистый воздух и не особенно утомляться частыми переездами. Сам я сижу при штабе дивизии, но, вероятно, скоро поеду в полк. За это время сильно поправился и отоспался.

Вообще решил теперь от службы не отказываться, но на неё и не напрашиваться. Послали для связи, я сижу и молчу себе. На нашем участке

Николай Голубев, около 1901 г.

сравнительно тихо, а потому никому, вероятно. и сменяться не особенно хочется. Недавно ездил с начальником штаба в наши окопы, и пока мы шли по шоссе, то немцы жарили по нам исключительно разрывными пулями, которые очень напоминают при разрыве светящихся ивановских червяков, только сильный треск при разрыве. Ощущение тоже не из приятных, особенно ночью, когда мы путешествовали.

Каждый день немцы долбят по нашему расположению тяжёлыми снарядами, но мало причиняют вреда.

Местоположение штаба — очень красивое старинное имение, каких очень много в этом краю. Дивный парк и, хотя запущенный, цветник с кустами роз, которые теперь цветут. Дивный воздух и масса свободного времени очень напоминают дачное времяпрепровождение. Второй день Илья стреляет чемоданами и поливает дождём. Действительно, гром очень напоминает разрывы тяжёлых снарядов.

Пока прости, крепко целую. Николай. Поклон всем. Жду посылки. Д. армия.

26-го июня 1915 года

Дорогой Питчи!

Получил письмо твоё с поздравлением и очень благодарю. Письмо было адресовано в штаб дивизии, а я теперь в полку и мне его переслали. Не знаю, получу ли я посылку. Во всяком случае, при штабе находится наш офицер, и он мне перешлёт её. Сразу по прибытии в полк попал в набег, и теперь, отдохнув после него, принялся за письма, которых давно не писал никому.

Эскадрон наш стоит в имении, да и остальные все разбросаны по мызам, помещики уехали и остались управляющие. Почти в каждом имении есть пруды, и наши драгуны выловили всю напущенную туда рыбу, спустив сперва воду. Вчера очень отчётливо с моря слышали сильную артиллерийскую стрельбу, вероятно, наши суда имели с немцами столкновение. Завтра иду почти к самому берегу моря для наблюдения крайнего самого флота немцев

в России. Погода стоит всё время тёплая и очень мало выпадает дождя.

Чувствую себя хорошо. Очень прошу поздравить Петю от меня с его двойным праздником. Очень рад, что он получил более соответственную работу.

Крепко обнимаю и целую. Николай. Д. армия Всем остальным поклон.

Р. S. Напиши, когда идёшь в отпуск.

21-го августа 1915 года

Дорогой папа!

Устроились опять в глубоком тылу в г. Венден. Вероятно, ты был здесь, когда ревизовал баронские банки. Городишко довольно поганый и скучный. В магазинах очень мало что можно купить, ибо подвоза почти нет. Булок купить нельзя. Одним словом, чем дальше в тыл, тем заметно больше паники и полного расстройства дел. Посылаю тебе вид на место стояния нашего штаба. Адресуй мне не в штаб XIII, а в штаб XII армии, ибо был $\mathbb{N}^{\mathbb{N}}$ переменён.

Пока крепко целую. Пиши. Николай.

14 октября 1915 года

Дорогой Питчи!

Давно не писал тебе потому, что буквально не было свободного времени, целыми днями заняты. По газетам ты, вероятно, знаешь, что на нашем участке за последнее время несколько оживились столкновения с противником. Потребовалось быть начеку и поэтому мы усилили своё охранение. Почти всё время проводили на заставах, то в лесу, то в нетопленных избах, часто с ружейной и артиллерийской стрельбой. Третьего дня на соседнем участке был жаркий бой. Мы поддерживали наступление артиллерийским огнём. Гвоздили и с моря, и с суши, и с реки. Снаряды свистели и рвались по всем направлениям. Одна германская батарея принуждена была три раза менять позицию. Немцам подналожили и заставили отойти назад.

Ты, конечно, читал о нашем небольшом десанте в Балтийском море. В нём принимали участие роты моряков и 120 ч. финляндских драгун с 8 офицерами и пулемётами. Шли с судов по пояс в холодной воде. Уложили 43 немца, а у нас ранили всего 4-х. Забрали 3 пулемёта, винтовки, снаряжение, много хлеба, который роздали жителям. Всех немцев обобрали и сложили в штабель. Жаль, что часть успела удрать. Артиллерийским огнём с моря разрушили маяк с беспроволочным телеграфом и, главное, произвели панику в тылу у немцев. Убитые немцы буквально были обращены в решето, т. к. по ним открыли огонь сразу из 10 пулемётов, предварительно окружив.

Погода за последние дни изменилась. Раньше морозило и было сухо. Теперь пасмурно, сыро и временами идёт снег с дождём. Наш эскадрон

поместили в аптеке, и мы питаемся хорошо. Хозяйка отлично стряпает. Она ничего с нас не берёт, а мы зато даём ей мясо, хлеб, сахар и чай. Выгодная комбинация.

Очень прошу тебя спросить Петю, не может ли он достать мне 4 полевых телефонных аппарата из управления, конечно, за плату, и версты 2 кабеля. Очень нуждаемся в телефонах и хотим купить в собственность эскадрона.

Пожалуйста, напиши.

Пока всего наилучшего, крепко целую. Николай.

23-го октября 1915 года

Дорогой Питчи!

Пользуюсь случаем написать несколько строк. Целых пять дней провёл, не вылезая из окопов первой линии, под непрерывный треск выстрелов и гром орудий. За два дня немцы выпустили по моему только окопу 145 шестидюймовых снарядов. Слава Богу, что в окоп попало только 5 или 6. Один разорвался в трёх шагах от меня и ранил трёх рядом со мной стоящих людей. Меня сильно оглушило на левое ухо и прижало к земле. Из винтовок немцы в эту ночь открыли бешеный огонь и поддерживали его пулемётами. Мы тоже жарили вовсю, так что стоял непрерывный треск и щёлканье пуль. У нас теперь тоже есть и ракеты, и пулемёты, и бомбомёты, и ручные гранаты. Проклятые немцы научили и нас на свою голову всяким штукам.

На нашем участке всё время ожесточённые бои. В них принимают участие латышские стрелковые батальоны и проявляют чудеса храбрости. Потери у нас в полку не особенно велики: ещё убит один офицер и ранено два и несколько нижних чинов. Одному пуля вдавила в грудь Георгиевский крест.

Наша артиллерия как морская, так и сухопутная, открывая ураганный огонь, несколько раз обращала немцев в бегство и наносила урон. Погода за последние дни сильно испортилась. Вчера, 22-го, была страшная буря со снегом и дождём. Ну, если теперь выйду благополучно из этой переделки, то будет очень хорошо. Теперь познал всю прелесть окопных боёв и службу в пехоте. В общем, не так страшно. Жду с нетерпением твою посылку с продуктами, ибо очень трудно питаться в окопах.

Пожалуйста, попроси комитет выслать как можно больше тёплого белья, табака и прочего в 16-ую ополченскую бригаду, в 94 и 95 ополченские дружины, ибо ходят голыми, а у наших драгун всё есть. Очень прошу об этом. Посылки эти адресуй: Д. армия 16 ополч. бригада, 94 и 95 ополч. дружины, командирам рот. Напиши об этом мне.

Пока крепко, крепко целую. Николай.

Р. S. Напиши мне стоимость одного телефонного аппарата с фоническим вызовом 1914 года.

Всем привет.

30-го октября 1915 года

Дорогой Питчи!

Две недели прошли у нас в непрестанных боях. За это время пришлось пережить очень много и приятных и неприятных минут. Странно сидеть сейчас в комнате и не слышать грохота орудий, который у нас продолжается и днём и ночью. Вчера ночью мы выбили немцев из последнего укреплённого ими пункта, а именно из Кеммерна, и восстановили своё первоначальное положение, взяв при этом два пулемёта, переделанных немцами из наших, оружие, снаряжение и пленных. Оказывается, что против нас наступала целая дивизия пехоты с артиллерией и массою пулемётов. Проклятые немцы стреляли опять разрывными пулями. При отступлении они бросили очень много ружейных патронов и артиллерийских снарядов. Приятно теперь было бы немного отдохнуть, но, вероятно, не придётся, ибо всё время приходится быть начеку.

От тебя получил за всё время пару писем весьма краткого содержания. Меня очень беспокоит твоё здоровье, и я прямо не знаю, что бы ты мог предпринять для его восстановления. По-моему, ты чересчур много работаешь и сильно переутомляешься.

Теперь в Петрограде начинается, вероятно, отчаянная погода. Положим, и у нас не лучше. Выпавший снег стаял, окопы наполнились водой, и приходится наступать по колено в воде, да ещё по болотам и лесам с кочками. Моё самочувствие, несмотря на ночи и дни, проведённые прямо на болоте или в окопах, довольно прилично и даже ревматизм за последнее время почти не даёт себя чувствовать. Полушубок пришлось опять повесить на стену и ждать морозов и снега.

Жду твоей посылки.

Пока прости, крепко целую и желаю здоровья.

Всем привет. Твой Николай.

17-го ноября 1915 года

Крепко обнимаю и целую дорогого *питчи* за присланную посылку с Савченко-Бельским. Теперь мы надолго имеем припасов и можем разнообразить наш довольно однообразный стол. Теперь сказалась та кулинарная школа, которую я прошёл под твоим руководством невольно. Варёная колбаса сегодня же будет сварена с картофельным пюре. Всё размещено по своим местам и что нужно вынесено на лёд. Пишу тебе на открытке от Какао, присланной тобою.

Крепко целую ещё раз. Николай.

Дорогой Питчи!

При сём прилагаю серию снимков и вырезок из приложений к «Новому времени». Снимки немного неудачные благодаря скверным плёнкам и недодержкам. Сегодня немцы хватили по Шпоку тяжёлыми снарядами и убили на улице двух офицеров и несколько людей ранило. Одной нашей лошади разнесло голову. Тогда же и наши батареи открыли по немцам огонь, постреляли и успокоились. Обыкновенное явление в позиционной войне.

Получил кроме твоего поздравления ещё два. Письмами вообще не балуют, а о жизни дома ничего не знаю. Газеты перестал покупать. Такую в них пишут ерунду, что просто читать противно. Книг в руки попадает мало и читать нечего. Пишу за недостатком бумаги на куске бумаги.

Пока прости, целую. Николай. Д. армия.

29-го декабря 1915 года

Дорогой Питчи!

Не знаю, получаешь ли ты мои письма или нет, но я пишу тебе четвёртое письмо. Теперь мы стоим более или менее на одном месте и производим разведку, высылая разъезды. Вот и третьего дня ночью пришло приказание из штаба бригады выслать из нашего эскадрона. Очередь ехать была моя, и я отправился. Погода была отчаянная — оттепель, мокрый снег по колено, темнота и туман. А разведать надо было укреплённую позицию, и не отступают ли они, и цел ли мост около нас. Проплутав пешком с 5 людьми из самых отчаянных (лошадей я оставил на нашей заставе) и почти наткнувшись на охранение немцев, я решил продолжать свою работу утром и отошёл на свою заставу, откуда и выступил в 8 часов по направлению прямо на позицию противника. Пришёл в совершенно сожжённую деревню в $1^1/_2$ версты от их окопов и стал в бинокль рассматривать жизнь и смену передовых частей противника. Посмотрев около часу и определив направление проволочных заграждений и установив целость моста, я отправился осмотреть высоту с лесом, откуда, по моему мнению, был хороший обзор.

Как только я вышел на опушку, обращённую к противнику, и стал осматривать другую группу окопов, вдруг раздался характерный звук орудийного выстрела и затем бзд...бзд... бзд... я поднял голову и в тот же момент раздался над головой взрыв и около меня дождём вились пули и осколки немецкой шрапнели. Я пригнулся и затем, не желая более служить мишенью для немецких пушек, шагом углубился в лес. Другой снаряд разорвался уже в лесу. Выйдя с разъездом на открытое место и дойдя до перекрёстка двух дорог, опять бзд...бзд... и две шрапнели лопнули над нашими головами.

Но, к счастью, ни одной царапины ни у лошадей ни у людей не оказалось. Впечатление от шрапнелей не особенное, неприятно только это посвистывание, т. к. не определить, где она лопнет.

Ну, пока прости. Посылку Варшавскую я, конечно, не получу никогда. Пожалуйста, отправляй мне с 2-ым маршевым эскадроном. Справься только в Оф. школе, когда он идёт. Нужно мне болотные сапоги и консервы.

Крепко целую. Николай. Поклон всем.

> 20-го января 1916 года Имение Мельниково

Дорогой Питчи!

Приехал к новому своему месту служения, конечно, с довольно неприятными приключениями.

В Вязьме находится только одно управление, а лошади стоят по имениям. Поэтому мне пришлось взять лошадей, которые везли меня 40 вёрст, за-

Николай Голубев, 1912-1913 гг.

морочили и стащили 25 рублей и ни одним су меньше. Завтра опять надо ехать к генералу для представления и для выяснения некоторых вопросов, связанных с моей «врачебной» деятельностью. Остановился я у моего предшественника в старинном имении. Помещица — старушка с одной воспитанницею живёт в доме, в котором Константин, вероятно, рылся бы неделю целую. Много всякой ампирщины и прочей дряни, есть и картины. Помещице 70 лет, но всё сама делает, с утра ходит с ключами и хлопочет.

Попросту без затей уговорилась со мною, что буду платить ей 30 р. в месяц за всё. Правда, выгодно.

Сегодня были помещики. Типы оригинальные, и я очень рад, что попал в этот край. Давно хотел попасть в русский край с нашими имениями и с нашей близкой непроходимостью, но дорогой нашему сердцу. В Вязьме со мной торговались все ямщики и сильно напомнили они мне Гоголя с его бричкой и колесом. Сообщение удобное. В 9 ч. 30 минут утра приходит на полустанок поезд и 12 вёрст на лошадях. Народу мало в поезде и спать можно всю дорогу.

Пока прости, крепко целую и благодарю за всё. Сын Николай.

Адрес: ст. Высокое Смоленской губ., Сычёвского уезда, имение Мельниково. Мне.

29-го января 1916 года им. Мельниково

Дорогой Питчи!

Получил твоё письмо и спешу тебе ответить. Фактически я ещё не принял команды нашего полка от своего предшественника вследствие запутанности отчётности. Конечно, как и повсюду в тыловых учреждениях, творится нечто неописуемое. Денег на покупку сена и соломы не дают ни одного пуда. Наблюдающий за пунктом генерал Енгалиев — полная бездарность и идиот. Повсюду видит грабёж и очень невоздержан на язык.

Лошадей всего осталось 136 и из них 41 в самом лучшем виде и через 3–4 недели смогут быть отправлены на позицию. Если можешь, то пришли — 100 комплектов белья и табаку моей команде, т. к. абсолютно ничего нет и купить не на что. Вообще полное безобразие царит здесь и чувствую я, что крупно поругаюсь с генералом.

Я устроился ничего и довольно разнообразно провожу время. Жалованья я, очевидно, ещё не получу долго, опять-таки из-за чертовского кавардака.

За последние дни нанесло снега и дороги несколько поправились, а были сильно разбиты возкой леса и дров. Очень прошу тебя, милый Πum -uu, прислать мне чего-либо рыбного к предстоящей масленице, т. к. вторую зиму не провожу дома, а здесь хоть блинов можно будет поесть. Почтовая станция от нас в версте и посылки идут быстро и не пропадают. Письма идут 2-3 дня. Может быть, пошлю потом драгуна в Петроград и в Вильманстранд за своим конюшенным снаряжением.

Пока прости, целую многократно. Твой Николай. Привет всем.